

И. В. Кирилова
Екатеринбург, Россия

I. V. Kirilova
Ekaterinburg, Russia

**САКРАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА
ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ
КАК СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

**SACRED SYMBOLS
OF TRADITIONAL FOLK CULTURE
AS A MEANS OF INFLUENCE
IN POLITICAL DISCOURSE**

Аннотация. Анализируется сакральная символика демонологической лексики как фрагмент традиционной народной культуры, употребляющейся в российском политическом дискурсе.

Abstract. Sacred symbols of demoniac lexis as a fragment of traditional folk culture used in the Russian political discourse are analyzed in the article.

Ключевые слова: демонологема; сакральная символика; народная культура; ментальное пространство; прагматика.

Key words: demonologem; sacred symbols; folk culture; mental space; pragmatics.

Сведения об авторе: Кирилова Ирина Владимировна, аспирант кафедры общего языкознания и русского языка, Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации.

About the author: Kirilova Irina Vladimirovna, Postgraduate Student, Chair of General Linguistics and the Russian Language, Institute of Philology, Cultural Studies and Intercultural Communication.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.
e-mail: irishakuz@yandex.ru.

Наиболее продуктивным в политической лингвистике последних десятилетий является комплексный анализ политических текстов в рамках дискурсивного подхода, предполагающего «...исследование каждого конкретного текста с учетом политической ситуации, в которой он создан, и его соотношения с другими текстами <...> с учетом целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста различными людьми, а также той роли, который этот текст может играть в системе политических текстов и — шире — в политической жизни страны» [Чудинов 2008].

Политическая коммуникация по своей онтологической сути характеризуется яркой воздействующей направленностью и оценочностью, при этом воздействие политического текста редко бывает аргументативным: «пытаясь привлечь слушателей на свою сторону <политики> вовсе не рассчитывают прямолинейно воздействовать на чье-либо сознание ... можно еще воздействовать на эмоции, играть на чувстве долга, на других моральных установках...» [Демьянков 2002: 39]. Такого рода имплицитное воздействие обнаруживается лишь при скрупулезном анализе ментального пространства политического дискурса. Ср. следующее понимание ментального пространства: «...отражение представлений об объекте, а не его полной модели, <что определяет его> ... условность и возможность конструирования на основе комбинаций различных элементов реальности в соответствии с замыслом говорящего» [Ваганова, Гридина 2007: 14]. Рамками моделируемого ментального пространства политического дискурса определяется как выбор речевого жанра

текста и алгоритма манипулятивных тактик, так и языковых средств, что можно рассматривать как «интерпретационный фонд прагматических намерений субъекта, ориентированный на социокультурные стереотипы поведения в определенных традицией ситуациях» [Коновалова 2007: 65]. Лингвокогнитивный анализ текстов политической коммуникации показывает, что «речь политика (за некоторыми исключениями) оперирует символами, а ее успех предопределяется тем, насколько эти символы созвучны массовому сознанию: политик должен уметь затронуть нужную струну в этом сознании; высказывания политика должны укладываться во «вселенную» мнений и оценок (то есть во все множество внутренних миров) ... «потребителей» политического дискурса» [Демьянков 2002: 39].

Одной из стратегий воздействия на аудиторию в политическом дискурсе является оперирование символами (в том числе из сферы демонологии) традиционной народной культуры. Применительно к политическому дискурсу использование демонологической лексики (в частности, номинаций нечистой силы) можно рассматривать как особый вариант реализации социосемантики сакральной символики традиционной народной культуры. Можно выделить три типа задач политического влияния, достигаемых за счет использования демонологем: 1) выражение отношения к какому-либо объекту (чаще негативного) — для этого используется экспрессивный потенциал демонологемы или оборота, включающего демонологему; 2) формирование в сознании аудитории демонического образа политического оппонента и, как следствие, неблагоприятных перспектив развития страны; 3) самоидентификация говорящего как

«народного представителя» масс и носителя народного сознания.

К средствам достижения задач первого типа можно отнести использование эмотивов, как правило, представленных фразеологическими оборотами, содержащими демонологию: *кой черт (какого черта, какая ... к черту)* употребляется для выражения несогласия с чем-либо, сильного неудовольствия, раздражения по поводу чего-либо [ФСРЯ 2003: 111]. Например, в статье В. Восорбина, посвященной оппозиционной деятельности партии «Яблоко»: «Я понимаю, у него задача — ослабить Россию. Но я бы все равно взял! И Запад бы обманул, и Россию спас... В субботу на совместном митинге НБП и “Яблока” у офиса партии “Единая Россия” даже стало как-то странно — какие, к черту, пенсионные льготы?! У людей явно другие цели! “Революция! Революция!”» [В. Восорбин. Вожди льготного бунта // Комсомольская правда. 2005.02.01]; или в высказывании В. Выжutowича об амнистии по отношению к бывшим участникам бандформирований на Северном Кавказе: «Ведь если мы боремся с террористами, то какая им, к черту, амнистия?!» [Валерий Выжutowич. Бес прощения // «Московские новости». 2003]. Этимологические данные сочетания восходят к магическим формулам, но в настоящий момент они утратили сакральный смысл и используются как экспрессы. См. также рассуждения О. Власовой о перспективах европейской интеграции: «...литовские врачи уезжают на работу в Лондон. С точки зрения ЕС — это проблема Литвы. Пусть, черт побери, лучше платят своим врачам» [Ольга Власова. Рецепт всеобщего благосостояния (2004) // «Эксперт». 2004.12.20]. Оборот *черт побери* используется для обозначения отношений между участниками ЕС и не содержит сакрального компонента.

Другим способом выражения отношения к объекту посредством использования демонологем является обращение к «тактике высмеивания оппонентов» (О. С. Иссерс, И. Н. Борисова и др.). В качестве примера приведем высказывание В. Новодворской о политических лидерах: «Да все они взаимозаменяемы. Была бы какая-нибудь **кикимора** партийная» [А. Гамов, О. Вандышева, В. Баранец, О. Улевич («КП» — Минск), Я. Артющенко («КП» — Киев), А. Анишкин. Если бы Ельцин свалился с лестницы, союз бы не развалился // Комсомольская правда. 2006.12.03]. Данное высказывание относится к лицу, являющемуся представителем партии, которая в сознании автора реплики ассоциируется с болотом (ср. соотносимое с использованным, в том числе по структуре, выражение *кикимора болотная*, которое фиксирует этнокультурный стереотип *кикиморы обитают только в болоте*). Кроме того, образ кикиморы в современном употреблении чаще всего выступает как комический (ср. звукоподражательный эпитет *ки-ки/хи-хи*, актуализированный в много-

численных мультфильмах и детских сказках в соответствующих действиях когда-то угрожающего, а ныне жалкого и смешного персонажа).

К средствам формирования в сознании аудитории демонического образа политического оппонента или отрицательных перспектив развития страны относится употребление демонологем в прямом значении. Следует отметить, что примеров такого использования демонологем в речи российских и советских политиков немного, в то время как для политических деятелей зарубежных стран оно более характерно. Например, президент Венесуэлы У. Чавес на выступлении в Генассамблее ООН так охарактеризовал своего политического оппонента Дж. Буша: «Вчера сюда приходил **дьявол**... Прямо сюда, — и стол, напротив которого я стою, до сих пор пахнет серой. Вчера, дамы и господа, с этой трибуны президент США, которого я называю дьяволом, говорил так, будто владеет миром. На самом деле. Как повелитель всего мира» [У. Чавес. Выступление на Генассамблее ООН. 2006.21.09]. В приведенном высказывании транслируется классическое католическое представление о дьяволе, от которого пахнет серой, о «князе мира сего», образ которого проецируется на политического лидера США. Можно предположить, что У. Чавес в своей речи отождествляет с дьяволом даже не конкретного человека, а должность руководителя мировой сверхдержавы.

Особый интерес представляет использование демонологем как средства самоидентификации говорящего в качестве носителя народного (религиозного) сознания в традиционных культурах. Например, президент Ирана М. Ахмадинежад в своей речи часто использует демонологему **дьявол** как в оборотах, так и самостоятельно: «Они думают только о том, как бы удержать власть и богатство. Им плевать на всех остальных людей в мире, даже на собственный народ. Вот почему власть **дьявола** проявила себя и расширяет сферу своей власти, лишая других возможности наслаждаться равноправными и справедливыми возможностями для развития» [<http://rusk.ru/newsdata.php?idar=182554>]. В данном случае демонологема используется в прямом значении и соотносится с понятиями власти и богатства, которые в традиционных культурах считаются греховными и опасными. Используя демонологию в высказываниях, приведенных выше, президент исламского государства подчеркивает свою самоидентификацию не только в качестве политического, но и как национального и религиозного лидера.

Российские политики и журналисты активно используют потенциал фразеологических оборотов для идентификации аудитории как «своих», поскольку большинство устойчивых сочетаний содержит национально-культурные компоненты. Приведем анализ использования часто встречающихся фразем.

Черт из табакерки — о чем-либо неожиданном, пугающем, неприятном; часто используется в политических текстах. Для носителей языка фразеологическое значение является мотивированным, только никто не вспоминает о первоначальных табакерках с секретом, распространенных в XIX в. Вместо этого в современной культурной ситуации значение интерпретируется через известную сцену из фильма «Бриллиантовая рука». Отметим, что в данной идиоме слово *черт* не имело сакрального компонента значения, так как первоначальным основанием для создания фраземы стал метафорический перенос по сходству между неожиданным событием и игрушкой-розыгрышем. Ср. пример использования данного выражения в интервью Р. Алханова (министра внутренних дел Чечни): «Боевики — это **черти**, которые в любой момент и в любом месте могут выскочить из бандитской табакерки. Наша тактика — не ждать этих вылазок, а идти на опережение, с помощью населения находить и уничтожать экстремистов» [Янченков В. Руслан Алханов: Боевики — это черти // Труд-7. 2005.12.16]. В данном случае мы наблюдаем комплексную трансформацию фраземы — семантическую, морфологическую и синтаксическую: используется словоформа множественного числа *черти*, расширяется состав устойчивого выражения за счет столкновения прямого и переносного значений лексических компонентов. В результате такого нестандартного речевого хода говорящий достигает основной цели: идентифицируется как «свой» не только как военный союзник, но и как носитель той же языковой, а следовательно, и национальной картины мира.

Не так страшен черт, как его малюют — идиома, связанная с преуменьшением ожидаемого эффекта [http://www.gramota.ru/book/ritorika/4_8.html], безразличием к последствиям; как правило, используется в политических текстах для обозначения отношения говорящего к какой-либо проблеме. Несмотря на то что формально демонологема в составе устойчивого выражения не утратила сакрального смысла, используется фразема безотносительно к нечистой силе, как десакрализованная. Например, В. Выжutowич пишет о В. В. Путине: «...не так страшен **черт** в обличье офицера ФСБ, как его малюют неугомонные наши правозащитники и американская пропаганда» [Валерий Выжutowич. Диагноз: маниакальная шпиономания (2003) // Комсомольская правда. 2007. 11.10]. Похожий пример находим в высказывании О. Шевцова: «Ведь, если не так страшен **исламский черт**, как его малюют за океаном, то зачем загонять его в угол и тем паче превентивно атаковать?» [Олег Шевцов. Президент Франции сболтнул лишнее // Комсомольская правда. 2007.02.03]. Здесь функционирование фраземы осложнено нестандартной сочетаемостью — демонологема *черт* в соче-

тании с идиомой «загнать в угол» придает яркую образность всему высказыванию: образ загнанного в угол черта является для русской языковой картины мира парадоксальным (за исключением некоторых сюжетов литературных сказок) и поэтому привлекает внимание аудитории.

Отдельного внимания заслуживает фразеологическое сочетание *идти хоть с чертом (брать денег хоть у черта, договариваться хоть с дьяволом)* со значением «достижение цели любой ценой». В политических текстах эта фразема встречается довольно часто, что может быть, с одной стороны, интерпретировано как средство создания яркой и образной речи, с другой — как проявление известного политического цинизма: «Можно исходить из той логики, что против Путина можно идти хоть с **чертом**. Но тогда возникает следующий вопрос — как делить плоды потенциальной победы с этим самым **чертом**, если он — коммунист» [Перекраска // Известия. 2007.12.24]. Автора не столько волнует возможное сотрудничество с чертом, сколько его (черта) политические взгляды. Приведенный пример также демонстрирует общую тенденцию к десакрализации демонологемы в политическом дискурсе.

Менее эффективными в плане воздействия на адресата политического текста можно, по-видимому, считать использование фразеологических сочетаний, не имеющих национально-культурных коннотаций. Ср., например, использование в российском политическом дискурсе сочетания французского происхождения *дьявол в деталях*: «По известному выражению, **дьявол кроется в деталях**. Именно детали заставляют усомниться в продуманности построенного на жестких административных ограничениях документа, который подготовлен в Министерстве образования и науки» [Сергей Лесков. Под лабораторным арестом // Известия. 2007.12.24]. Автор, используя выражение, неизвестное многим носителям русского языка и, соответственно, лишенное этнокультурных коннотаций, как бы подчеркивает свою принадлежность к интеллектуальной и культурной элите, подтверждая тем самым свое право судить о государственных программах в области образования и науки.

Таким образом, использование сакральной символики традиционной народной культуры в российском политическом дискурсе является популярным средством воздействия. Демонологическая лексика, чаще всего десакрализованная, употребляется с целью создания экспрессивности и образности высказывания. Если же демонологема входит в состав фразеологизма, в том числе десемантизированного, а в ряде случаев даже десемантизированного, она в плане эффективности воздействия на аудиторию обладает более сильным прагматическим потенциалом и способствует уже не только экспрессии, но и выразительности, яркости высказывания в целом и его запоминаемости, по-

скольку сакральная символика демонологемы «поддерживается» в этих случаях отсылкой к прецеденту и богатым лингвокультурным «шлейфом» коннотаций, закрепленных за устойчивыми выражениями.

ЛИТЕРАТУРА

- Ваганова И. Ю., Гридина Т. А. «Описываемое будущее» как модель ментального пространства в художественной фантастике // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». 2007. №1. С.14—19.
- Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. — М.: ИНИОН РАН, 2002. № 3. С. 32—43.
- Коновалова Н. И. Прагматика русского заговора // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». 2007. №1. С. 60—65.
- ФСРЯ = Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. — М., 2003.
- Чудинов А. П. Российская политическая метафора в начале XXI в. // Политическая лингвистика. 2008. Вып. 1 (24). С. 86—93.

***Статью рекомендуют к публикации доцент М. Б. Ворошилова
и проф. Н. А. Коновалова***